

В.К.Кельмаков (Ижевск)

ПЕРВЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

0.1. Воздавая честь знаменитым венгерскому и финскому ученым – собирателям фольклорных творений и исследователям языка удмуртов – Бернату Мункачи и Юрьё Вихманну, отмечая их заслуги перед удмуртской культурой, мы не должны предавать забвению и имя того, кто самым первым из зарубежных ученых проложил нелегкую исследовательскую тропу к нашему народу, кто первым из зарубежных финно-угроведов изучал в полевых условиях удмуртский фольклор, мифологию и диалекты и "опубликовал" по ним серию работ: "Votjakilaisia kielinäytteitä" ("Образцы удмуртской речи" – 1886), "Tietoja Votjaakkien mitologiasta" ("Сведения из удмуртской мифологии" – 1893) и "Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos" ("Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка" – 1896). И не его вина, а беда и несчастье, что ни одна из этих работ не была откорректирована самим собирателем и автором, что при его удмуртских изданиях значится не только его фамилия, но и имя его знаменитого преемника и талантливого исследователя финно-угорских языков Юрьё Вихманна...

Речь, естественно, идет о финском исследователе удмуртов Торстене Густаве Аминоффе, который более чем 110 лет тому назад – за 7 лет до Мункачи и 13 лет до Вихманна – приезжал к удмуртам, и о котором удмуртская культурная общественность, к сожалению, не знает почти ничего, кроме, пожалуй, его имени и названия отдельных публикаций.

0.2. В научной библиотеке Тартуского государственного университета по некоторым финским источникам (напр.: Tietosanakirja. – Helsinki, 1909. Т.1. – Р. 331; Suomen elämäkerrasto / Toimittanut ja kirjoittanut Ilmari Heikinheimo. – Porvoo-Helsinki, 1955. – Р. 29; и др.) мне удалось выявить отдельные биографические сведения об Аминоффе.

1.0. Родился он 1 ноября 1838 года в местечке Нильсия (Nilsjö) в семье землемера Карла Хенрика Аминоффа (отец) и Марии Элизабет Коллан (мать). Военное поприще, которое им было выбрано в ранней юности, впоследствии перестало его прельщать, и он оставил его в 1861 году в звании младшего лейтенанта.

Его научная деятельность в области финского языкознания началась под руководством Аугуста Альквиста (1826–1889), одного из "пионеров лингвистической палеонтологии, исследовавшей лингвистические факты с культурно-исторической точки зрения" (Основы 1974: 69). В 1866 году он совершил первую свою научную поездку – на крайний север, где собирал материал для кандидатской диссертации под названием "Исследования в области [финского] диалекта Крайнего Севера" (1871). В 1871 году он снова в пути – в этот раз у финнов центральной Скандинавии, и в качестве отчета о своей научной командировке представил публикацию "Исследование о финнах Вермланда" (1876).

1.1. Третью – и последнюю – поездку Т.Г.Аминофф совершил в 1878 году, в этот раз к удмуртам. Творческая часть его пути началась – как впоследствии у Мункачи и Вихманна – в Казани, где ему были оказаны радушный прием, моральная поддержка и содействие со стороны просветителя поволжско-приуральских "инородцев", директора учительской семинарии профессора Н.И.Ильминского (1822–1891), неизменного помощника каждого из зарубежных ученых, чья дорога к финно-угорским народам пролегла через Казань. Не без его помощи были выбраны и те два населенных пункта, где в основном и проводилось Аминоффом обследование удмуртских диалектов: с.Ошторма-Юмья (ульгурт) Мамадышского уезда Казанской губернии (ныне Кукморский район Татарской АССР) и с.Якшур-Бодья (бд'я) Сарапульского уезда Вятской губернии (ныне Якшур-Бодьинский район Удмуртской АССР).

1.1.1. Наиболее интенсивная и результативная собирательская работа, судя по опубликованным материалам, шла в старинном удмуртско-кряшенском селе Ошторма-Юмья и его окрестностях, в частности, в д.Старая Юмья (вужурт) и с.Нырья (н'вер'я). Село Ошторма-Юмья отмечается среди населенных пунктов периода Казанского ханства (Чернышев 1971: 287); в 1710 году в нем было 16 дворов, в 1716 году насчитывалось 45 человек жителей обоего по-

ла, из них удмуртов - 33 человека, новокрещеных удмуртов - 12 человек (Гришкина 1976: 125). К концу XIX века в селе сложился следующий национальный состав: крещеных удмуртов - 187 человек, старокрещеных татар - 89 человек и русских - 21 человек (Износков 1884: 134). Село Ошторма-Юмья было своеобразным культурным центром данной округи: с 1840 года действует церковь (Износков 1884: 134), и при ней, возможно, функционировала мало-мальская школа. По крайней мере, в конце XIX столетия здесь, по воспоминаниям старожилов, находилась одна из немногочисленных и к тому же самых старых школ Мамадышского уезда Казанской губернии. В ней, по всей вероятности, получили начальное образование видные удмуртские просветители на рубеже двух веков, уроженцы местного края, в частности, И.В.Васильев (1858-1927; д.Старая Юмья), И.С.Михеев (1876-1937; с.Ошторма-Юмья), М.П.Прокопьев (1884-1919; с.Нырья). Вплоть до 60-х годов нашего столетия (до открытия средних школ в других деревнях) удмуртская средняя школа в с.Ошторма-Юмья явилась важнейшим центром просвещения местного населения - сюда приезжали учиться из удмуртских деревень Кукморского и Мамадышского районов Татарской АССР за 25-40 километров, а также марийцы, татары, русские из окрестных деревень.

1.1.2. Важным центром образования и культуры для своей округи явилось и село Якшур-Бодья, где церковноприходская школа для мальчиков была открыта в типовом деревянном помещении на три комнаты в 1863 году. Она, по всей вероятности, должна была функционировать в период пребывания здесь Т.Г.Аминоффа. Новшества же были введены лишь в 1896 году, когда было выстроено деревянное здание земского четырехклассного училища. В 1901 году открылась школа и для девочек. С 1935 года Якшур-Бодьянская школа стала семилетней, с 1939 года - средней (Школы УАССР, 189).

1.1.3. В этих двух точках удмуртской языковой области в последней четверти прошлого столетия и протекала собирательская работа Т.Г.Аминоффа, результатом которой явились три вышеназванные публикации (Aminoff 1886; 1893; 1896), вышедшие в свет уже после смерти самого ученого (он умер очень рано - в 1881 году, вскоре после возвращения из удмуртской экспедиции). Две из них имеют большое значение для удмуртской филологии.

2. "Образцы удмуртской речи" (1886) представляют собой пуб-

ликацию текстов произведений удмуртского фольклора, записанных в четырех удмуртских селениях, - на территории распространения двух различных диалектов: "казанского" (совр. кукморский говор) и "вятского" или "якшурского" (совр. средневосточные говоры) (см. таблицу).

Особенности удмуртской речи переданы посредством своеобразной ("аминофской") транскрипции на основе латинской графики; имеется параллельный перевод большинства (но не всех!) текстов на финский язык. Паспортизация записей весьма неполная и непоследовательная: в одних случаях указано точное место фиксации текста (напр., загадки - в с. Нырья (с.35), в д. Старая Юмья (с. 36-37), в с. Якшур-Бодья (с.37-39), сказки - в с. Якшур-Бодья (с.40-44) и т.д.); в других случаях указаны несколько населенных пунктов (см. загадки и заговоры - в с. Ошторма-Юмья и д. Старая Юмья (с.45-55) и др.); в третьих же случаях о приблизительном месте записи можно догадаться лишь по диалектным особенностям текста (так, куриськон (с.33) и загадки (с.34-35) имеют ярко выраженные черты "казанского диалекта"). Информанты и время записи не указаны.

Жанры фольклора Диалекты и населенные пункты	Сказки	Песни	Куриськон	Заговоры	Загадки	Всего
I. <u>"Казанский диалект"</u> 1. с. Ошторма-Юмья 2. д. Старая Юмья 3. с. Нырья		4	1	12	19 5	27 162
II. <u>"Вятский (якшурский) диалект"</u> : 1. с. Якшур-Бодья	10				36	46
ИТОГО:	10	4	1	12	181	208

Несколько сложнее обстоит вопрос о методике фиксации текстов. Часть записей, по-видимому, произвел сам Аминофф, на что вроде бы указывает помета (*itse*) "сам", которой снабжены отдельные тексты (см. с.35, 36); но наряду с этим не исключено, что в сборе материала посильную помощь финскому ученому оказала и немногочисленная местная удмуртская интеллигенция (в публикации, к сожалению, нет на это точных указаний).

Несмотря на некоторые неточности и явные ошибки (описки) в транскрипции, удмуртские фольклорно-диалектологические тексты Т.Г.Аминоффа имеют большое значение как для описательной и исторической диалектологии, так и для исторической фонетики удмуртского языка (подробнее см.: Кельмаков 1976а: 107. 109-110). Ценность "Образцов удмуртской речи" для фольклористики определяется тем, что они, во-первых, являясь второй после книги Б. Гаврилова "Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний" (Казань, 1880) публикацией оригинальных произведений удмуртского народного творчества, в определенной мере дополнили представление научной общественности того времени относительно богатства и жанрового разнообразия фольклора удмуртов; во-вторых, содержат такие оригинальные творения, которые в таком количестве и в такой совершенной форме нигде более не представлены (речь, естественно, идет о заговорах (с. 50-55), отдельные образцы которых прилагаются к данной статье).

3. "Очерк фонетики и морфологии удмуртского языка" (1896), увидевший свет благодаря стараниям и заботам Ю.Вихманна, представляет собой очень сжатое и тем не менее довольно информативное сравнительное описание фонетической системы и морфологического строя двух диалектов - "казанского" и "вятского" ("якшурского").

Работа состоит из следующих разделов:

ПРЕДИСЛОВИЕ - с. 3-5 (составлено издателем, т.е. Ю.Вихманном).

ФОНЕТИКА - с. 7-20.

I. Состав звуков - с. 7-8 (автором перечислено II гласных и 23 (24) - согласный f заключен в скобки - согласных звука, встречающихся в обоих диалектах, без разграничения фонем и их ва-

риантов).

П. Ударение и его влияние на гласные - с. 8-9 (Ударение в удмуртском языке падает, как правило, на последний слог слова, однако имеются и исключения, среди которых определенный интерес представляют глагольные и именные формы на -пу (-мы), -ду (-ды), -зу (-зы) с ударением на предпоследнем слоге: бас'то·мы "возьмем", бас'то·ды "возьмете", бас'то·зы "возьмут"; корка·мы "наш дом", корка·ды "ваш дом". Это явление в настоящее время не характерно для "якшурского" диалекта (средневосточных говоров) и встречается лишь в "казанском" (кукморском говоре); правда, и в последнем оно имеет место не в номинативе именных форм на -мь, -пь, -зь, как указано в "Очерке" (с. 8), а лишь в косвенных падежах притяжательного склонения.

Влиянием конечного ударения склонен объяснить автор и явление регрессивной ассимиляции гласных, встречающееся в кукморском диалекте, ср.: шу- "сказать" - шүиз "он сказал", шүэм "он, оказывается, сказал"; на этой основе (и по некоторым другим мотивам) объясняет вторичное происхождение фонемы ү (< у) в этом говоре.

Ш. Гласные - с. 10-15: А. О гласных вообще - с. 10-11 (Дается краткая характеристика диалектных звуков); В. Соответствия (чередование) гласных в различных диалектах - с. 11-13 (Помимо перечисления "казанско-якшурских" междиалектных соответствий гласных, вкратце останавливается на характерных удмуртских соответствиях финским гласным, напр.: фин. a ~ удм. у (макса ~ мус "печень", vanha ~ вуж "старый", sarvi ~ с'ур "рог", maa ~ му "земля"), фин. u ~ удм. ы (lumi ~ лымы "снег", uuhi ~ ыж "овца", kuusi ~ кыз "ель") и т.д.); С. Изменения гласных - с. 13-14; Д. Выпадение гласных - с. 14-15.

IV. Согласные - с. 16-20: А. О согласных вообще - с. 16-17 (Отмечается, что согласные г и г' (у Аминоффа й) не употребительны в анлауте удмуртского слова; коми анлаутному г- в удмуртском соответствует d'z (з) или dž (ж), ср.: к. rusj ~ удм. Зичь "лиса", к. rok ~ удм. Жук "каша" и др. Финским (финно-угорским) анлаутным глухим смычным p-, t-, k- в удмуртском могут соответствовать и звонкие b- (б-), d- (д-), g- (г-), напр.: фин. raju ~ удм. бад' "ива", фин. tyvi ~ удм. дин' или

диѣ "комель", фин. *kuksi* ~ удм. *гыжы* "ноготь, коготь" и др.); В. Соответствия согласных в различных диалектах - с. 17-18 (Перечислены такие характерные "якшурско-казанские" междиалектные корреспонденции согласных, как *j* ~ *d'* - (*йу* ~ *д'у* "хлеб в зерне", *йыр* ~ *д'ыр* "голова" и др.); *d'z* ~ *z*, *dž* ~ *ž*, *č(k)* ~ *š(k)* (*куžo* ~ *куз'о* "хозяин", *уж* ~ *уж* "работа", *пуѣкын* ~ *пушкын* "внутри", *луѣкало* ~ *лушкало* "крадут") - формы с аффрикатами, как объясняет автор на основе коми этимологических соответствий удмуртских слов, являются более ранними; *m*, *n*, *ń* ~ *ŋ* (*пум* ~ *пуŋ* "конец", *ѣын* ~ *ѣыŋ* "дым", *дин'* ~ *диŋ* "комель") и др.; С. Изменения согласных - с. 18-20; Д. Выпадение согласных - с. 20 (Речь идет об историческом отпадении конечных *-m* (удм. *с'ин* ~ фин. *silmä* "глаз") и *-k* (арэс "лета" ~ инес. *арэскын*; *пуш* "внутренность" ~ инес. *пушкын*)).

МОРФОЛОГИЯ - с. 20-47.

1. Имена, их происхождение и склонение - с. 20-39: А. Сложение имен - 2I; В. Образование имен - с. 22-24 (Перечислены продуктивные и непродуктивные отыменные (*-о*, *-эс'*, *-ыт*, *-тэм*, *-эс*, *-ак*, *-эти*, каз. *-лък* (< тат.), каз. *-чи* (< тат.) и др.) и отглагольные (*-эт*, *-эп*, *-(о)н*, *-ос*) именные (формо- и словообразовательные суффиксы); С. Склонение имен - с. 24-28 (Автором верно замечено различие в падежных суффиксах между описываемыми диалектами: акк. мн. ч. каз. [*-ыз* ~] якш. *-ты*; инес. *-ис'* ~ *-ыс'*; абл. *-лис'* ~ *-лэс'*; терм. *-ос'* ~ *оѣ*, *-оз'* и др.); Д. Прилагательные и их степени сравнения - с. 29; Е. Местоимения - с. 29-38 (Раздел посвящен как собственно местоимениям, так и притяжательному склонению имен существительных); Ф. Числительные - с. 38-39.

П. Глаголы, их происхождение и спряжение - с. 40-47: А. О словообразовательных суффиксах глаголов - с. 40; В. Отглагольные имена - с. 40-41 (Причастия, инфинитив, отглагольные имена существительные на *-с'* (*-ис'*, *-ас'**); *-эм*, *-ам*; каз. *-нь* ~ якш. *-ны*; *-он*, *-ан*; *-оно*, *-ано*; *-онтэм*, *-антэм*; *-мтэ* (*-эмтэ*, *-амтэ*)); С. Деепричастия - с. 42 (Названы суффиксы *-са*; каз. *-кѣ* ~ якш. *-кы*; каз. *-тос'* ~ якш. *-тоѣ*, *-тоз'*; *-тэк*); Д. Спряжение глаголов - с. 42-47 (Исследователь указывает на то, что

* Суффиксы даны в той форме, в какой вычленил их Т.Г.Аминофф.

показатель 1 л. ед. ч. -м (бас'то-∅ "возьму", бас'то-д "возьмешь", бас'то-з "возьмет") сохранился в вопросительном предложении: ку лы́ктом? "когда я приду?"; каз. лы́ктом-а мон? ∞ якш. лы́ктом-а или лы́кто-а мон? "приду ли я?". Определенный интерес представляет парадигма желательного наклонения (оптатива): 1 л. мэд бас'то "пусть я возьму, чтобы я взял"; 2 л. мэд бас'тод "пусть ты возьмешь, чтобы ты взял"; 3 л. мэд бас'тоз "пусть он возьмет, чтобы он взял" и т.д. Дается также и парадигма спряжения некоторых сложных форм прошедшего времени; и др.).

Завершается публикация кратким перечнем описок.

Эта работа Аминоффа получила высокую оценку специалистов сразу же после выхода в свет (ср., напр.: Szilasi 1896) и не утратила своего значения вплоть до наших дней.

4. Удмуртская филология благодарна финскому ученому Т.Г. Аминоффу не только за его материалы и исследования в области удмуртского фольклора и диалектологии, но и за то, что в те далекие годы он первым из зарубежных финно-угроведов проторил дорогу к удмуртам, по которой впоследствии прошли (и пройдут) другие венгерские, финские и иные специалисты. Даже тот факт, что свою первую "финно-угорскую" экспедицию Ю. Вихманн совершил именно к удмуртам, непосредственно связан с обработкой и подготовкой к изданию осиротевших записей Т.Г. Аминоффа.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Избранные заговоры (№ 4, II, /12/) из публикации Т.Г. Аминоффа для большей доступности удмуртским читателям эквивалентно транслитерированы с авторской транскрипции на транскрипцию на кириллической основе, применяемую в современной удмуртской диалектологии; при этом явные ошибки в записи или описки издательского характера устранены (см. примечания). Пропуски стандартных повторов-формул в публикации Аминоффа в данном случае восстановлены и заключены в квадратные скобки. Параллельный перевод текстов на русский язык, а также разбиение "прозаических" строк на стихотворные произведен автором данной статьи.

Поскольку заговоры записаны финским ученым на территории распространения кукморского говора, комментирование особеннос-

тей их языка и устранение ошибок (описок) проводится на основе современных материалов данного говора.

I.(4). пос'къ къл

пужэй с'ур вьлэ
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз.

5 скал с'ур /вьлэ
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз./

вал гъжь /вьлэ
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз./

10 каза с'ур /вьлэ
кукэ пос'къ потоз,
сокъ мэд потоз./

(Aminoff 1886: 52).

I.(4.) Заговор против фурункула

На олений рог
Когда фурункул выскочит,
Тогда пусть выскочит /на этого человека/.

5 На коровий рог
Когда фурункул выскочит
Тогда пусть выскочит /на этого человека/.

На лошадиное копыто
Когда фурункул выскочит,
Тогда пусть выскочит /на этого человека/.

10 На козий рог
Когда фурункул выскочит,
Тогда пусть выскочит /на этого человека/.

2.(II.)

ВОЖЭКТЭМ¹ КЪЛ

вож бад'пу² полън вож ж³о-к³,
вож ж³о-к вълън вож т⁴ус'ть,
вож т⁴ус'ть полън вож пун'ъ⁴,
вож пун'ъ полън вож шьд -
со шьдэс с'ийьса⁵ мэд кошкоз.
(Aminoff 1886: 55)

2.(II.)

Заговор против желтухи ('зеленухи')

В зеленом ивняке ('иве') зеленый стол,
На зеленом столе зеленая миска,
В зеленой миске зеленая ложка,
В зеленой ложке зеленый суп -
Поев того супу, пусть уйдет.

3.(I2.)

д'ър бэръктон

бусьй⁶ киз'эм жэк уз'ъм
киз'ъ⁷ чэбэр ачкэ⁸,
оз'ъ чэбэр мэд ачком⁸.
мон талис' д'ързэ бэръктис'ко.
5 кўаз' сактьтос' мидад⁹ т¹⁰оз,
шундъ пукс'ътос' мидаз чида -
пал с'ин'тиз⁵ ур¹⁰ мэд вийалоз,
пал с'ин'тиз⁵ вир мэд вийалоз,
монэ а³жэмэз потьса,
10 бужэктьса³ мэд улоз.
воз' вълън чалмачача
киз'ъ чэбэр ас'кэ,
оз'ъ чэбэр мэд ас'ком -
лъмшър вутос' мидаз т¹⁰оз.
15 мон талис' д'ързэ бэръктис'ко.
воз' вълън турль¹⁰ чача
киз'ъ чэбэр ас'кэ,
оз'ъ чэбэр мэд ас'ком.

- мон понна ³вужэктъса -кӯас'мьса,
 20 уйэз из'ътэк кӯас'мьса мэд улоз.
 мон талис' д'ързэ бэрьктис'ко.
- турьм полън узь-борь
 киз'ъ чэбэр ас'кэ,
 оз'ъ чэбэр мэд ас'ком ¹¹.
 25 мон бордис' мидаз бэзъ ¹¹.
 мон талис' д'ързэ бэрьктис'ко ¹².
- н'улэскън киз'ъ
 кис'мам ⁵эмээ' чэбэр ас'кэ,
 оз'ъ чэбэр мэд ас'ком.
 30 мон д'ързэ [бэрьктис'ко].
- пънъл' ⁸м киз'ъ чэбэр [ас'кэ,
 оз'ъ чэбэр мэд ас'ком.
 мон д'ързэ бэрьктис'ко].
- с'алас' ийон ⁵ киз'ъ чэбэр [ас'кэ,
 35 оз'ъ чэбэр мэд ас'ком.
 мон д'ързэ бэрьктис'ко].
- бусийън ар-турль ¹⁰ уз'ъм
 киз'ъ [чэбэр ас'кэ,
 оз'ъ чэбэр мэд ас'ком.
 40 мон д'ързэ бэрьктис'ко].
- с' ⁸д л' ⁸м киз'ъ чэбэр [ас'кэ,
 оз'ъ чэбэр мэд ас'ком.
 мон д'ързэ бэрьктис'ко].
- с' ⁸д сутэр киз'ъ чэбэр [ас'кэ,
 45 оз'ъ чэбэр мэд ас'ком.
 мон д'ързэ бэрьктис'ко].
- зарэз' вьлти ку орчоно,
 зарэз' шукийэз ку бас'тъса с'ийоно ⁵-
 мидаз бэзъ ¹¹.
 50 мон талис' [д'ързэ бэрьктис'ко] ¹³.

зарезъ вълнн с'Ѹд кѸнн с'Ѹд бака,
сойэ ку пѸс'т'ьса с'ийоно⁵ -
мэдаз бэз¹¹.

(Aminoff 1886: 55).

3. (12.) Присушка

Взошедшая ('посеянная') в поле ржаная озимь
Какой красивой кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Я привораживаю этого [человека].

5. До рассвета пусть не выдержит,
До заката пусть не вытерпит -
Из одного глаза пусть гной польется,
Из другого ('одного') глаза пусть кровь потечет,
От желания свидеться со мной

10. Пусть пожелтеет.

Цветок италмас на лугу
Каким красивым кажется,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
До наступления полудня пусть не выдержит.

15. Я привораживаю этого [человека].

Всевозможные цветы ('цветок') на лугу
Какими красивыми кажутся,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.
Ради меня пусть пожелтеет-присохнет,

20. Пусть иссохнет, ночей не спит.

Я привораживаю этого [человека].

Ягоды в траве
Какими красивыми кажутся,
Пусть такой [же] красивой [и я] покажусь.

25. Пусть от меня не отвернется.

Я привораживаю этого [человека].

Спелая малина в лесу
Какой красивой кажется,

- Пусть такой /же/ красивой /и я/ покажусь.
 30. Я его привораживаю.
 Жимолость какой красивой кажется,
 Пусть такой /же/ красивой /и я/ покажусь.
 Я его привораживаю.
 Ягоды бересклета какими красивыми кажутся,
 35. Пусть такой /же/ красивой /и я/ покажусь.
 Я его привораживаю.
 Всякая озимь в поле
 Какой красивой кажется,
 Пусть такой /же/ красивой /и я/ покажусь.
 40. Я его привораживаю.
 Черная черемуха какой красивой кажется,
 Пусть такой /же/ красивой /и я/ покажусь.
 Я его привораживаю.
 Черная смородина какой красивой кажется,
 45. Пусть такой /же/ красивой /и я/ покажусь.
 Я его привораживаю.
 Когда по морю пройти,
 Когда, собрав морской пены, наестся -
 Пусть /от меня/ не отвернется.
 50. Я привораживаю этого /человека/.
 На море - черная змея с черной лягушкой,
 Когда, отварив, их съесть -
 Пусть /от меня/ не отвернется.

Примечания

¹В речи пожилых кукморских удмуртов желтуха (болезнь Боткина) называется чужэктон или чужэктон-вожэктон и время ее распространения ассоциируется с наступлением весны и появлением первой зелени. Это старинное поверие и нашло, по-видимому, отражение в данном заговоре.

²В оригинале ошибочное написание: bod'pu; это слово ни в одном из диалектов еще не зафиксировано мною с корневым гласным o.

³Анлаутные велярные аффрикаты ʃ- и ʒ- в позиции перед -Гж(-) и -Гш(-), как правило, заменились в кукморском говоре палатальными аффрикатами ʃ-, ʒ- или палатальными смычными д'-, т'-: ʃужьт, д'ужьт (удм. лит. ʃужыт) "высокий", чуж, т'уж (удм. лит. ʒуж) "желтый"; в остальных случаях (т.е. не перед указанными сочетаниями) они перешли в шипящие ж- и ш-: жѝк (удм. лит. ʃѝк) "стол", шьт (удм. лит. ʒын) "дым". Возможно, в конце XIX века велярные аффрикаты в анлауте еще сохранялись.

⁴В современном кукморском говоре слово имеет два вокалических варианта: пун'ь и пун'ь "ложка".

⁵Явно ошибочное велярное с- оригинала (siǰõsa "поев", pal sintiz "из одного глаза", kisman "спелый", sala-sijon "бересклет (букв. "рябчикова еда, рябчиков корм)"), sijono "(нужно) поест") мною заменено палатальным с'-.

⁶В большинстве южноудмуртских диалектов (в том числе и кукморском говоре) конечный гласный -ы (-ь) именной основы перед суффиксальным й замещается гласным и: кукм. шукь "пена" ↔ шукийо "пенистый", чьть "шея" ↔ чьтийэ "моя шея" и др. Это явление отмечено и самим Аминоффом (Аминофф 1896: 14): busy "поле" ↔ илл. busijë "в поле", инстр. busijen "(с) полем". Исходя из вышесказанного, форму busõjë (бусьйэ), как написано у Аминоффа, можно считать ошибочной (см. Busijõn, строка 37), хотя не исключена возможность, что архаичный язык заговора сохранил более раннюю форму.

⁷Зафиксированная здесь и далее (напр. строки 12, 17, 23 и др.) форма киз'ь "как" в кукморском говоре в настоящее время не употребляется (общераспространенной является форма къз'ь).

⁸В данном случае для кукморского говора более характерно сочетание -с'к-: ас'кэ "виднеется, кажется" (см. строки 12, 17, 23, 28 и т.д.). Об этом писал и сам Т.Г.Аминофф (Аминофф 1896: 18).

⁹По смыслу более подходящим является форма 3 лица мидаз т^б°з "пусть не выдержит" (см. аналогичное сочетание в строке 6), что и отражено в переводе.

¹⁰Эти слова в настоящее время употребляются с гласным у: ур "гной", турль "различный, разнообразный".

¹¹Глагол бэзънь "отвернуться, разочароваться, отвыкнуть" употребляется в удмуртских диалектах с велярным з, поэтому ошибочное написание з' в указанных словах устранено.

¹²у Аминоффа: beruktiško. Явно ошибочно употребление "як-шурского" ы вместо "казанского" (кукм.) ь.

¹³Смысл двух последних строф не совсем ясен. Перевод условный (буквальный).